

АНГЛИЙСКАЯ НОВЕЛЛА

Джон Голсуорси

Совесть

Таггарт приподнялся. Канаву для ночлега он выбрал очень удачно, под изгородью у домика сторожа; ее скрывали ветви деревьев. Птицы Гайд-парка уже завели свои утренние песни. Часов у него не было, они отправились туда же, куда за последние три месяца ушли и остальные вещи, и только по сумеречному свету он мог догадаться, что начало рассветать! Ему было не за что благодарить птиц: их щебетанье прервало его сон, и он почувствует голод задолго до того, как появится завтрак, бог ведает откуда. Однако Таггарт с интересом прислушивался к птичьему пению. Это была первая ночь, которую он провел под открытым небом, и, как все новички, испытывал некоторое торжество оттого, что, вопреки закону, сторожам и утренней сырости, он всё же стал бродягой.

Таггарт был родом из Нортумберленда и, по собственному выражению, никогда «не вешал носа». Родился он в городе, и потому его знакомство с природой было весьма ограничено и не шло дальше умения различать воробьев, дроздов и синичек; однако писк и гам, поднятые крылатыми бродягами, доставляли ему истинное удовольствие, и, если не считать некоторой ломоты в костях, чувствовал он себя «превосходно».

Таггарт раскурил трубку и снова вернулся к занимавшей его проблеме: как достать работу и почему он потерял работу.

Три месяца назад Таггарт, хорошо упитанный, статный и самоуверенный, весело входил в кабинет своего шефа в конторе Объединенного журнального издательства. Шеф приветствовал его:

– Доброе утро, Таггарт. Джорджи Гребс дает нам статейку для «Маяка». Писать у него, конечно, нет времени. Я хочу поручить это вам – один-два столбца, что-нибудь в его стиле, а он подпишет. Хорошо бы пускать такие статейки в «Маяке» каждую неделю. Нужны имена. Я уже раздобыл около десятка знаменитостей. Мы заставим публику охотиться за «Маяком».

Таггарт улыбнулся. Джорджи Гребс! Это имя популярно. Первокласная мысль заполучить его для журнала.

– А написал ли он хоть строчку в своей жизни, сэр?

– Вряд ли... но о чем он может написать, нетрудно догадаться. Конечно, за статью он ничего не получит, кроме рекламы. Для следующего номера я выудил сэра Катмена Кейна. С этим надо быть осторожней. Его манеру легко усвоить по той его книге о знаменитых убийцах. Он чертовски занят, но подпишет что угодно, если будет хорошо сделано. Таггарт, я заставлю публику рвать из рук наш «Маяк». Но не теряйте времени и принимайтесь за статью Гребс!

Таггарт кивнул и, достав из кармана несколько отпечатанных на машинке листков, положил их на стол:

– Вот ваша передовая, сэр. Пожалуй, немного резковата.

– Мне некогда читать. Спешу на поезд, Таггарт.

– Не смягчить ли ее немного?

– Возможно, решайте сами. Садитесь здесь и кончайте передовую. Вернусь в пятницу. До свиданья.

Таггарт помог ему надеть пальто, и, схватив шляпу, шеф исчез.

Таггарт сел и начал править статью. «Хорошая статья. – подумал он, – жаль, никто не знает, что пишу их я...»

Эта работа за другого – настоящее искусство, только, как за всякое искусство, платят неважно... Не так уж плохо сознавать, что ты – зерно, а шеф – только шелуха-Шеф! С его именем и влиянием в обществе... Таггарт закончил правку, поставил на листах «в печать» и подумал: «Джорджи Гребс! О чем же писать, черт возьми?» С этой мыслью он направился к себе.

Его каморку едва ли можно было назвать комнатой; она была почти пуста, если не считать Джимми Каунтера, который курил и что-то ожесточенно писал. Таггарт сел, раскурил трубку и, взяв бумагу, нацарапал заглавие.

Джорджи Гребс! Это сенсация! У шефа удивительный нюх на имена, которыми ловят публику. Казалось, что нет ничего проще, как написать статью за человека, который за всю свою жизнь не сочинил ни строчки. В этом деле было что-то элементарно простое и невинное. А если вдуматься, так в желании публики узнать мысли своего кумира Джорджи Гребс тоже есть что-то невинное. Ба, но какие мысли у их кумира? Если он, Таггарт, этого не знает, то и все остальные не узнают – даже сам Джорджи Гребс. Таггарт улыбнулся, но вскоре почувствовал, что его душевное спокойствие нарушено.

Джорджи Гребс, знаменитый клоун!... А может, у пего совсем нет мыслей? Публика удивительно легковерна... Таггарт взял ручку и задумчиво уставился на перо. Легковерна! Это слово затуманило прозрачность его мыслей – так от капли перекиси мутнеет вода в стакане. Легковерна! Публика будет платить, чтобы узнать то, что она принимает за мысли Джорджи Гребс. Но у Гребс нет никаких мыслей! Таггарт прикусил мундштук трубки. Спокойно! Не надо преувеличивать. Конечно, у Джорджи Гребс есть свои мысли, раз он подписывает статью. Подписываясь, он соглашается с мыслями, выраженными в статье. Не так ли? Полосу украсит, как полагается, автограф и портрет автора. И, глядя на знакомые черты, читатели поймут, что это мысли их любимца Джорджи Гребс. Легковерность! Но разве можно сказать, что публика чересчур доверчива, если имеются такие доказательства? Более того, Гребс сам узнает, в чем он думает... Мошенничество? Вздор! Просто-напросто – выполнение заказа. И никакого мошенничества нет, – все так поступают! Мошенничество! Ведь тогда и передовые, написанные для шефа, можно назвать мошенничеством. Ну, передовые, конечно, не то. Они-то действительно выполнение заказа. Публика платит за мысли шефа, и они на самом деле являются его мыслями, так как он их подписывает. Мысли по Заказу! И, однако, стала ли бы платить публика, если бы статьи подписывал А. П. Таггарт? Мысли оставались бы теми же... и совсем неплохие мысли. Публика должна за них платить, но стала бы? Он снова раскурил погасшую трубку и начал писать:

«Леди и джентльмены, я не писатель. Поверьте мне, я обыкновенный клоун, и, когда я балансирую шестом на своем носу, я чувствую, что мошеннич...»

Таггарт перечеркнул написанное. Опять это слово... Нет, надо отделаться от него! Он просто выполняет заказ. Надо держаться за слова «выполняю заказ». Это источник его существования... Не очень обильный, правда, но на жизнь хватает, а особой выгоды он не имеет. И это всё. Но какая выгода Джорджи Гребс подписывать чужую статью? Только реклама! Кто же тогда зарабатывает на этом? Компания «Объединенное журнальное издательство»! Да, имена Джорджи Гребс и шефа, которые украшают полосы, написанные другими, дают компании изрядные куши. А почему, собственно, не

использовать известные имена?... Таггарт нахмурился. Если, скажем, человек заходит в лавку и покупает коробку пилюль фирмы «Холловей», а они изготовлены по рецепту «Томпкинса». Что изменится от того, что он принимает их за пилюли «Холловея», хуже они не станут. Таггарт отложил перо и вынул трубку изо рта. «Вздор, – подумал он. – Никогда не смотрел на вопрос с этой стороны, но, кажется, Это всё-таки имеет значение. Читатель должен получать ту самую статью, за которую он платит деньги; если нет, допустим любой обман. В таком случае новозеландских баранов можно продавать за английских, а в шерсть примешивать хлопок. Обман – его статья, написанная за Гребс. Таггарт раскурил трубку в третий раз. Но с первой же затяжкой он почувствовал чисто английскую ненависть к „высокоморальной“ болтовне и к хвастовству этой высокой моралью. Кто он такой, чтобы восставать против обычая? Разве не секретари готовят выступления для парламентских „шишек“? Разве заключения знаменитых адвокатов, которые они подписывают, не состояются зачастую их помощниками? Разве судьи сами пишут документы процессов?... Да, но всё это совсем другое... В тех случаях публика платит за мысли, а не за форму их выражения. Знаменитый адвокат ставит свою подпись под тем, что написано, и не обращает внимания, как это написано. Министр высказывает свои взгляды независимо от того, сам ли он написал или другие записали его мысли, и публика платит за взгляды, а не за то, как они выражены. Но статья Гребс – совсем другое дело. В этой статье публика будет платить не за мысли, взгляды или мнения, она будет платить за возможность заглянуть в душу своего кумира. „А его душа окажется моею! – думал Таггарт. – Кто стал бы тратить деньги, чтобы заглянуть в мою душу?“ Таггарт даже привстал и сел снова. Но если публика так легковерна, что толку об этом думать? Она с жадностью поглощает всё написанное и постоянно требует еще. Да! Но разве доверчивая публика не состоит из людей, которых нельзя одурачить? Таггарт встал и прошелся по комнате. Джимми Каунтер поднял голову.

– Ты, кажется, чем-то взволнован?

Таггарт уставился на него:

– Мне надо написать какую-нибудь чепуху за Джорджи Гребс для «Маяка», а вот пришло в голову, что это обман публики. Что ты на это скажешь, Джимми?

– Отчасти ты прав. Ну и что?

– Если это так, то я не хочу заниматься обманом, вот и всё.

Джимми Каунтер присвистнул.

– Дружище, я сейчас катаю заметку о скачках от имени «завсегдатая ипподрома»... а на скачках я не бывал уже несколько лет.

– Ну, это простительно.

– Всё простительно в нашем деле. Закрой глаза и плотай, что дают. Ведь ты только выполняешь заказ.

– Значит, стоит прилепить ярлык благопристойности, и от этого всё сразу станет приличным? Не так ли?

– Скажи, старина, что ты ел за завтраком?

– Послушай, Джимми, мне кажется, я зашел в тупик. Никогда такого со мной не бывало.

– Ну, что же, пусть больше не будет. Вспомни Дюма-отца. Я слышал, что под его именем выходило шестьдесят романов в год. Разве ему это повредило?

Таггарт взъерошил свои жесткие рыжеватые волосы.

– К черту всё! – проговорил он.

Каунтер рассмеялся.

– Тебе платят, ну и делай, что от тебя требуют. Стоит ли расстраиваться? Журналы должны раскупаться. А статья Джорджи Гребс... что же... обычный газетный трюк.

– К черту Джорджи Гребс!

Таггарт надел шляпу и вышел, провожаемый долгим свистом удивленного Каунтера. Весь следующий день он занимался другими делами, стараясь убедить себя, что он чужак.

Таггарт даже попытался поделиться своими мыслями с другими журналистами. «Много шуму из ничего, – говорили одни. – Чем это плохо?» «Ничего не поделаешь. Жизнь заставляет», – отвечали другие. И всё-таки Таггарт никак не мог уговорить себя взяться за статью Гребс. Ему вспомнилось, что его отец в сорок пять лет переменял веру и тем погубил свою душу. И Таггарт внезапно почувствовал себя несчастным, как будто у него обнаружили наследственный туберкулез.

В пятницу его вызвал шеф.

– Доброе утро, Таггарт! Я только что вернулся. Взгляните-ка на передовую. Она должна пойти в «Маяке» завтра. Это не статья, а

перечень фактов. Куда девался мой стиль?

Таггарт тяжело переминался с ноги на ногу.

– Видите ли, сэр, – начал он, – я подумал, что, может быть, вы сами захотите ее отработать, а факты в ней верны.

Шеф в упор посмотрел на Таггарта:

– Дорогой мой, неужели вы думаете, что у меня есть на это время? Так каждый напишет. Я не подпишу статью в таком виде. Обработайте как следует.

– Не знаю, смогу ли я... – начал он. – Я... я... – И вдруг умолк.

Шеф добродушно осведомился:

– Вы нездоровы?

Таггарт отрицательно покачал головой.

– Личные неприятности?

– Нет, сэр.

– Тогда принимайтесь за дело. Что у вас со статьей Гребс?

– Ничего.

– Не понимаю.

Таггарт почувствовал, что мышцы его напряглись.

– Дело в том, что я не могу написать ее.

– Что за чушь?... Пройдет любая белиберда, нужен только соответствующий колорит.

Таггарт судорожно плотнул воздух.

– В том-то и дело... Ведь это значит вести с публикой нечестную игру, сэр.

Таггарту показалось, что шеф начал угрожающе увеличиваться в размерах.

– Я не понимаю вас, Таггарт.

Таггарт выпалил неожиданно для себя:

– Я не желаю больше писать всякую ерунду за других, сэр» если это только не хроника или информация.

Шеф побагровел.

– Я плачу вам за определенную работу. Если не желаете выполнять указаний, мы можем обойтись без ваших услуг. Что с вами случилось, Таггарт?

Таггарт криво усмехнулся:

– Что-то вроде приступа угрызений совести, сэр. Ведь речь идет о коммерческой честности, не так ли?

Шеф откинулся назад на вращающемся кресле и добрых двадцать секунд внимательно разглядывал Таггарта.

– Понятно, – произнес он наконец ледяным тоном, – меня еще никогда так не оскорбляли. Вы свободны. Прощайте!

Таггарт положил бумаги на стол и, тяжело ступая, направился к двери. На пороге он обернулся:

– Очень сожалею, сэр, но я не могу иначе.

Шеф слегка наклонил голову, и Таггарт вышел.

В течение трех месяцев он наслаждался свободой. Журналисты нигде не требовались. К тому же имя его не пользовалось известностью. Гордость и излишняя щепетильность не позволяли ему обратиться в Объединенное журнальное издательство за рекомендацией. Он даже не решался объяснить, почему его «вышибли». Не говорить же, что из-за более высоких моральных правил, чем у его товарищей – журналистов. Два месяца Таггарт прожил вполне сносно, но последние две-три недели довели его до нищеты, и всё-таки чем больше он размышлял, тем сильнее чувствовал, что он прав, и тем меньше было желание поделиться с кем-нибудь своими мыслями. Лояльность по отношению к бывшему шефу, которого он оскорбил своим осуждением, боязнь прослыть глупцом, а главное, опасение, как бы его не обвинили в хвостовстве, заставляли его молчать. Когда его спрашивали, почему он бросил работу в Объединенном журнальном издательстве, он отвечал: «Разногласия по принципиальному вопросу» – и отказывался от дальнейших объяснений. Сложилось общее мнение – Таггарт просто чудит. И хотя никто в Объединенном журнальном издательстве не знал, почему он исчез, Каунтер рассказывал, что тот перед уходом обругал Джорджи Гребс и отказался писать за него статью. Статью написал кто-то другой. Таггарт читал это «произведение» с раздражением. Оно было явно неудачным. Неумелая подделка всё же причиняла боль тому, кто успешно занимался Этим в течение долгого времени, не испытывая угрызений совести. А когда появилась статья за подписью сэра Кейна, которую он, конечно, не писал, Таггарт вслух выругался. Она была так же похожа на статью, которую он написал бы за сэра К. Кейна, как его собственные стоптанные башмаки на изящные туфли шефа, чуть ли не каждый день разные. Таггарт с тяжелым чувством прочитывал передовые статьи бывшего шефа,

останавливаясь на многочисленных стилистических погрешностях, которыми снабжал их новый... а впрочем, какое ему дело, кто теперь за него писал. Когда Таггарт читал «Маяк», на его открытом, розовощеком, обычно оживленном лице появлялось горькое выражение и он принимался теребить свои жесткие непослушные волосы. Таггарт обладал твердым характером и ни разу не назвал себя дураком за все неприятности, которые ему пришлось испытать, хотя день ото дня в нем росла уверенность, что бунтовал он напрасно.

Таггарт задумчиво сидел, прислонившись к изгороди и слушая пение птиц. Странные существа – люди! Чертовски легковверны и доверчивы! А разве он сам был другой все эти годы? Сила ярлыка – вот что поражало его сейчас. Стоит прилепить ярлык приличия, и всё будет прилично! Да!... А всё же лимон останется кислым, как его ни назови. Совесть!... Вот в чем дело!